

К «казахстанскому чуду»

На вопросы отвечает ректор Казахского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор Кенжегали САГАДИЕВ

Как мы уже сообщали, в редакции состоялась встреча с ректором Казахского государственного экономического университета, доктором экономических наук, профессором Кенжегали Абеневичем САГАДИЕВЫМ, которому Кембриджский биографический центр присудил звание «Человек года — 92».

Публикуем содержание этой беседы.

— Кенжегали Абеневич, как Вы узнали, что стали «Человеком года»? Что Вы чувствовали в эти минуты?

— Известие о присуждении звания «Человек года» явилось для меня, без преувеличения, полнейшей неожиданностью.

В Академию наук, где я работаю директором центра внешнеэкономических исследований, пришло письмо от генерального директора Кембриджского международного биографического центра господина Эрнеста Кея. Выяснилось, Кембриджский центр — одно из крупнейших справочных издательств мира, ежегодно из десятков тысяч представленных кандидатур отбирающее лауреатов звания «Человек года». В свое время этими лауреатами стали Иосиф Бродский и Михаил Горбачев.

А что касается чувств, которые я испытал, то, в первую очередь, это была гордость за нашу республику, наш народ. Ведь присвоение мне этого звания я рассматриваю как признание научного потенциала нашего суверенного государства, признание тех перемен, которые происходят в республиках бывшего Союза.

— Расскажите, пожалуйста, о своем пути в науку, о том, что повлияло на Ваш выбор этого пути?

— В 1960 году я окончил экономический факультет КазГУ и был оставлен на кафедре профессора Т. Ш. Шаукенбаева. Это был известный экономист, государственный деятель, который ратовал за рациональное использование прикаспийских нефтяных месторождений. Под его руководством работал два года.

Потом поехал в Москву — учиться в аспирантуре Плехановского института. На тот период, т. е. на 60-е годы, пришлось, если можно так сказать, новая волна интереса к экономической науке.

Мы тогда считали себя учениками ряда известных экономистов, выступавших против чрезмерной централизации экономики, активно участвовали в жарких дискуссиях на эти темы. Условно участники дискуссий делились на две группы — «товарищеский» и «антитоварищеский». И хотя я не имел богатого опыта научной работы, в подзвонки сделал выбор в пользу «товарищеского», людей, которые хорошо обосновывали необходимость развития товарно-денежных отношений в СССР. Проблемы экономической науки тогда очень активно разрабатывали академики В. С. Немчинов, С. Г. Струмилин, целые научные школы из Московского государственного университета, Плехановского института. Их взгляды были созвучны многим из молодого поколения ученых-экономистов.

Активное развитие экономической мысли тех времен не прошло даром. На новых идеях выросло поколение молодых ученых да и на практике появились первые признаки положительной реакции на рекомендации ученых-экономистов.

Среди важных государственных актов того времени я бы выделил известное сентябрьское постановление 1965 года, инициатором которого был А. Н. Косыгин, направленное на широкое внедрение экономических методов стимулирования роста производства. Если бы идеи этого постановления были широко поддержаны в обществе, многое могло бы сложиться у нас по-другому. Но оно в жизнь не пошло. И постепенно перешло в забвение. Экономическая мысль постепенно затухла, воцарился застой...

Со временем, бывая в Москве, я по мере сил все же пытался способствовать пропаганде передовых экономических идей, а моя любовь к товарно-денежным отношениям сохранилась и по сей день. Помню, предлагал, как и некоторые другие экономисты, читать курс лекций

по маркетингу, так нам сказали: вы, мол, ревизионисты — подвергаете ревизии марксистско-ленинскую экономическую науку... С той или иной степенью обстоятельности участвовал в разработке ряда экономических проблем. У меня вышло 6 монографий, посвященных экономической эффективности распределения и обращения средств производства. Мы обосновывали, что нельзя делить все до гвоздя, пусть производители будут более самостоятельны, пусть сами ищут друг друга, респектуют вопросы взаимных поставок. Но изменить что-то тогда было невозможно.

Ну, а на «чистую» науку из 32 лет моей работы пришло только два, а 30 лет — на работу в вузах.

— Кенжегали Абеневич, в последнее время казахстанские студенты все чаще и чаще выезжают для продолжения учебы в ведущие вузы Турции, США. Считаете ли Вы, что качество образования в этих учебных заведениях гораздо выше, нежели в наших или, допустим, в московских?

— Вы знаете, за свою жизнь я объездил много стран, изучал системы образования развитых государств мира. И сегодня могу заявить со всей ответственностью — наше образование не хуже, чем на Западе. По широте подготовки среднее базовое образование у нас очень хорошее и ничуть не уступает американскому или турецкому.

Другое дело — сфера профессиональной подготовки. Нужно отдать должное тем же американцам, она у них на высоте. И особенно эффективна — и по методам, и по конечным результатам — подготовка экономистов. У них нет абстрактной, чисто академической учебы, каждый постулат рыночной теории тесно увязан с жизнью.

Наша беда в том, что в экономической науке мы застыли на догматизме. Взять, к примеру, теорию управления. За семьдесят лет марксизм-ленинизм не внес в нее практически ничего нового. Запад же за это время пережил четыре теории управления, включая знаменитую теорию Тэйлора, управленцы там выделялись в отдельный слой. Четыре новых подхода, и каждый раз это приводило к новой революции в производстве, всемерно способствуя росту его эффективности.

Нужно честно признать, что теория у них богаче по сравнению с нами. И все это богатство преподается в процессе учебы. Нам придется много перенимать из западного опыта, ничего зорного в этом нет. Иначе рыночниками нам не стать.

К сожалению, мы игнорировали достижения рыночной экономики — и в практике, и в теории. И что в итоге? Я, например, не смог в те годы прочесть ни одного серьезного труда по экономике, которые выходили на Западе. Скажем, с книгами Леонтьева только недавно стал знакомиться.

Конечно, это не значит, что у нас не разрабатывалась рыночная экономика. Были Канторович, Немчинов, Цаголов... Может быть, они не довели разработку рыночных идей до совершенства, но сделали многое. И потом... Мы ведь ни одного учебника зарубежного так и не перевели тогда, и многого просто не знали.

Теперь пожинаем плоды.

В жизни происходят большие перемены, а высшая экономическая школа достигнута врасплох.

Положение, в котором оказался сегодня наш Казахский государственный экономический университет, очень трудное, я бы сказал, неординарное даже в этой трудности. Его нельзя сравнить с другими вузами. Да, там тоже приходится многое менять, но при этом есть литература, которую по-прежнему можно использовать, есть кадры преподавателей, обладающие все так же нужными знаниями.

А у нас? Нам надо отменить одно содержание, дать другое. Нужны другие кадры, пособия, учебники. Но никто нам этого не даст — неоткуда.

Поэтому выход нашли в том, что посадили своих преподавателей за учебу по десяти наиболее важным предметам. В основном — молодежь. Многих послали в несколько престижных зарубежных вузов.

А каково студентам? Недавно специально просмотрел приложение к своему диплому: там значится 32 предмета. Если же исходить из приоритетности профильных, то надо бы оставить в дипломе лишь 9 предметов. Сегодня тут надо бы выделить курсы маркетинга (что мы недостаточно знаем), менеджмента, учета на микро- и макроуровнях, основ предпринимательства — это кстати, разные вещи, а мы все валим в одну кучу...

Как педагог экономического вуза, я, например, должен знать банковское дело, менеджмент, а без этого нельзя вести основы товарно-денежной политики. Всего того нового, что должны знать и мы, преподаватели, и студенты, которых учим, очень много. Нам всем трудно. Поэтому пробем приглашать зарубежных профессоров, и кое-кто из них откликнулся. Правда, удовольствие очень дорогое, пока что получаю его на началах спонсорства.

Направили команду наших педагогов и по странам СНГ, там ведь тоже много экономических вузов, — чтобы посмотреть, как у них идут перемены, а если есть хорошие специалисты в области рыночной экономики, то чтобы пригласить их к нам. Привезли оттуда много интересного материала, который сейчас изучаем. Немало там и людей, которые десятки лет работают в международных организациях.

В общем, потенциал есть, и немалый, он нужен нам всем. Нужна и тесная координация в подготовке кадров. Теперь надо научиться сообщать использовать имеющееся интеллектуальное богатство, накапливать его здесь, у себя. Конечно, надо посылать людей, и за рубеж. Но у государства нет лишних ресурсов, а от уезжающих тут отдача будет еще не скоро. Надо искать и находить средства самим, чтобы формировать необходимый кадровый потенциал и учить на месте.

— Как Вы оцениваете нынешнюю экономическую ситуацию в Казахстане?

— Так же, как и вы. Идет снижение жизненного уровня людей. Похвалиться ничем не можем.

Никакой критики не выдерживает то, что вслед за Россией установили налог на добавленную стоимость в размере 28 процентов. Даже в западных странах самая высокая ставка этого налога достигает 20 процентов, и это в государствах с хорошо развитой экономикой. Мы же таким образом душим предпринимательство, проводим политику, не стимулирующую производство, не создающую условий для выпуска качественной продукции. Кстати, и некоторые российские ученые и мы, экономисты Казахстана, рекомендовали

— по ступеням реформ

правительству не устанавливать такие чрезмерные налоги. Доказывали, что у нас отличный рынок, несостоятельные товаропроизводители. Они не выдержат такую налоговую нагрузку. К сожалению, эти рекомендации не были в свое время учтены. И только сейчас, кажется, наш парламент склоняется к тому, чтобы снизить НДС. Хотя прочие виды налогов все еще чрезмерно высоки.

Но давайте взглянем на ситуацию с другой стороны.

Мы долго следовали в фарватере России. Конечно, очень хотелось бы наладить тесные связи с ней, включая и общность мер по реформе. Но уже пора думать и о самостоятельной экономической политике.

К тому же мы сегодня уже другие. Только что Казахстан отметил годовщину независимости. Россия тоже стала самостоятельной, и она не может тянуть вперед, стабилизировать, прежде всего, экономику в масштабе всего рублевого пространства. «России нужен денежный суверенитет» — кажется, это мысль Е. Гайдара, и они это тоже почувствовали. В масштабах такой махины невозможно иначе проведение собственной политики.

Пора и Казахстану иметь свою собственную программу развития, учитывающую его специфику, т. е. ресурсы, потенциал, местовые системы мирохозяйственных связей и т. д.

Но я еще раз скажу с оговоркой: в этом смысле казахстанская экономика пока не имеет своего собственного лица. Почему?

Нам дали (выделили) кусок собственности бывшего Союза. И мы считаем этот кусок национальной экономикой! Формально — да, это так. Но фактически — нет. Потому что практически нет у нас технологических цепочек взаимосвязи отраслей, регионов. Нет единого экономического пространства в рамках суверенного государства, нет комплекса взаимосвязанных производств по глубокой переработке (вплоть до конечных продуктов) многих природных и иных богатств Казахстана.

Что такое государство национальной экономикой? Там именно такая глубоко интегрированная связь между всеми регионами, между отраслями. Лишь на основе этого развиваются уже и связи с зарубежьем. Этого надо и нам начинать.

Надо обрести все, что характеризует национальную экономику государства. Считаю, что каждой из бывших республик Союза нужна своя собственная национальная валюта. Ведь в связи с инфляцией станок не успевает печатать деньги. А рубль — это язык рынка. Если рубль нормальный, то и рынок работает нормально, а если нет — то нет. Монетаристская политика — вернейшее средство по отлаживанию дел в хозяйстве, это путь к стабильности.

Сейчас много говорят о необходимости твердой власти. Я бы сказал, что в нынешних условиях твердая власть — это прежде всего твердая валюта. Надо обзавестись ею.

— **И какими Вам видятся приоритеты в развитии нашей экономики?**

— Прежде всего надо как можно быстрее отходить от рыночной романтики, рыночной эйфории. Вот думали, что примем серию законодательных актов, проведем реорганизацию министерских структур и все быстро придет в норму, но потеряли управление. На поверку выходит, что нельзя было только так.

Стратегия развития Казахстана, предложенная Президентом, это очень серьезный документ. Теперь бы нам хорошенько поразмыслить, подумать, как его наиболее эффективно реализовать. К сожалению, порою предпринимаются непродуманные шаги.

Вот сейчас в республике обсуждаются 13 национальных программ. Я смотрю их. Хорошие сами по себе программы. Но нельзя не задать вопрос: как же будет выполнять их народ, как он воодушевится ими, если фактически не участвовал в их обсуждении?

Конечно, это наша общая беда — беда всего общества — отсутствие и навыков, и культуры самых широких экономических дискуссий, как и необходимых для этого экономических знаний. Порой об-

щение даже с людьми, принимающими решения, просто пугает: настолько далеки они от экономики. Мы пока что поднагнали в основном в политических словопрениях. А время такое, что пора бы уже переключить всю свою энергию прежде всего на экономику. Случайно, что ли, «японское чудо»? Там в обсуждении программ и проектов экономического развития участвуют сотни, тысячи только специалистов, не говоря о множестве «простых» людей. В организацию этих дискуссий включаются, кстати, и команды журналистов.

У нас пока что попытка объять необъятное, и боюсь, что ни одна программа не будет реализована.

На мой взгляд, надо бы выбрать только 3–4 программы. Прежде всего — это сельское хозяйство и связанные с ним легкая, пищевая промышленности, как наиболее адаптируемые отрасли. К тому же степень монополизации здесь меньше, чем в тяжелой индустрии. Во всяком случае здесь легче бороться с монополистом. Это отрасли с более быстрой отдачей — если все хорошо рассчитывать.

Но сельское хозяйство мы должны реформировать, с тем, чтобы обеспечить конкурентоспособность отрасли. Например, если пшеница из Канады или какой-нибудь другой страны станет дешевле, то наше зерно на мировом рынке уже не пойдет. Словом о конкурентоспособности надо думать уже сегодня.

Итак, первое дело — одеть и накормить народ, и именно «с помощью» названных отраслей.

— **А где найти средства?**

— Из собственных ресурсов. Я бы на данном этапе держал цены на сельхозпродукцию. Разумеется, есть и другой способ: наоборот, отпустить цены на сельхозпродукцию, но держать их на другом. Но это если и путь избрать соответствующий.

Я же, повторяю, за приоритет в развитии сельского хозяйства, и считаю, что сейчас надо привлечь туда и валюту. Взять ее мы можем только обменом на нефть и газ, спрос на которые на мировом рынке устойчив. Считаю, что это просто наше спасение, что в Казахстане есть такое огромное богатство, как углеводороды. И хорошо, что те, кто готов вкладывать валюту в их разработку, уже идут на заключение соответствующих договоров. Вот откуда и появятся средства для быстрого развития сельского хозяйства.

А другие отрасли — помочь им надо не денежными вливаниями, а созданием необходимых экономических условий для их нормальной работы. Это, кстати, опыт многих стран. Взять ту же Японию. Сделав ставку на легкую промышленность (в нее включалась и радиоэлектроника), японцы за считанные годы стали производить конкурентоспособную во всем мире продукцию. Германия восстановила свое разрушенное хозяйство, делая ставку на мощную поддержку предпринимательства, т. е. того интеллектуального богатства, чем был богат народ. Т. е. надо определить свою специфику и с учетом этого приступить к любой реконструкции.

И нам надо на чем-то остановиться и с этого начинать. Время терять нельзя. Сейчас мы входим в опасную спираль: через каждые три месяца — новая зарплата, вот уже — и новые цены. Если дело будет продолжаться таким образом, нас ждет гиперинфляция.

В проведении экономической политики нужна твердость. Должна быть хотя бы опасность банкротства производителя, если не само банкротство. Цены только тогда эффективны, когда кто-то уходит с рынка производителей. Иначе — недавняя 160-миллиардная кредитная эмиссия и принятое на днях решение о 400 миллиардах кредитов грозят быть не последними. Надо ввести жесткую кредитную политику.

— **Кенжегали Абеневич, так возможно ли «казахстанское чудо», аналогичное «японскому чуду», «германскому чуду»?**

— Возможно. Всякое экономическое чудо начинается с того, кем и как вырабатывается экономическая политика и насколько последовательно она проводится. Японский и германский опыт говорят о том, что чудо рождается прежде всего в головах экономистов-реформато-

ров. Чтобы состоялось «казахстанское чудо», нам нужна грамотная экономическая концепция, подкрепленная общенациональной идеей, которая объединила бы и вдохновила все народы, населяющие нашу республику.

В сотворении «казахстанского чуда» я, повторяю, сделал бы главную ставку на сельское хозяйство. Наше главное богатство — земля. Ни одна другая страна мира не имеет столько земли в пересчете на душу населения. Этим богатством нужно грамотно распорядиться. Благодаря миллионам гектаров естественных кормовых угодий мы могли бы поставлять на мировой рынок дешевое конкурентоспособное мясо.

И еще. Чтобы чего-то добиться, нам надо беречь наше богатство — землю. Но экология нарушена. Нам говорят даже в России: что вы делаете с землей? И действительно, объемы орошаемых площадей у нас вдвое больше, чем необходимых водных ресурсов. Воды у нас нет. Надо же думать, что рационально, а что нет. 70 процентов засоленных земель у нас — это земли избыточного орошения. У нас, считается, хорошая урожайность — это 18–20, редко 30 центнеров с гектара, а за рубежом — 70–100 центнеров. Но при этом мы продолжаем сеять и на солонцовых почвах.

У нас есть разработки по выведению высокоурожайных сортов. Но я бы и закупил высокоэффективную технологию.

— **Кенжегали Абеневич, простого человека сегодня, открывшая говоря, мало волнует, кто занимается разработкой экономических теорий и что эти теории из себя представляют. Его волнует один вопрос: когда же он сможет хоть немного перевести дух? Что Вы можете ответить ему? Видите ли Вы свет в конце туннеля?**

— Делать прогнозы — занятие жутко неблагоприятное. Я не могу сейчас сказать, когда наступит экономическая стабилизация — через месяц, год или два. Все зависит от того, куда мы пойдем в процессе реформ и какими шагами. Сейчас перед нами стоит задача номер один — стабилизировать денежное обращение. Если это удастся сделать, можно будет двигаться дальше.

— **Как реагируют на рыночные идеи молодежь, колледжи-экономисты? Какие, на Ваш взгляд, происходят здесь сдвиги в сознании людей?**

— У молодых вижу жадность к экономическим знаниям. Старое критикуют, отвергают. К новому интерес огромный.

Хотя и трудно с учебниками, но все же новых книг завезли огромное количество, и все — на иностранных языках. И что выдумаете — наши студенты попросили: сделайте хотя бы три пары в неделю по иностранному языку. В некоторых группах лекции читаются на английском — интерес есть.

Но что касается массового экономического сознания и перемен в экономическом мышлении, то здесь дело плохо.

Когда я работал еще в Целинограде в сельхозинституте, то во время одной из поездок на международную конференцию по генной, клеточной инженерии обратил внимание, что зарубежные специалисты говорят очень грамотным экономическим языком. Люди, не экономисты по образованию, прекрасно владеют экономической терминологией, ситуацией. У нас же — нет.

— **Кенжегали Абеневич, нашим читателям наверняка интересно, что Вы за человек? Какая у Вас семья? Чем Вы занимаетесь в свободное время?**

— Свободного времени у меня не так уж и много: хорошо, если выпадет часок-другой в неделю. Провожу я его обычно в кругу семьи, очень люблю пешим прогулки, во время которых хорошо думаю.

Родом я из Тургайской области, у меня трое детей. Старший — экономист, средний защищает магистерскую диссертацию в США, уже получил приглашение работать в Мировом банке. Младший хочет заняться бизнесом, хотя я и отговариваю его.

Виктор ЖУРАВЛЕВ,
Олег ЧЕРВИНСКИЙ,
Ольга МАЛАХОВА.